

Свѣтлокъ нервѣтъ

— Аллах всесильный и всевидящий! За что ты меня казнишь столь немилосердно? Чем провинилась я перед тобой?!

— Бесиме, моя звезда, моя красавица! О чем ты льешь такие горькие слезы? Чему печалишься в этот чудесный день?

— Ты, должно быть, слеп, Рахим... Или от счастья ум твой совсем помутился...

— Моя греза, не следует черными словами омрачать столь радостный день.

— У меня нет других слов...

Рахим пожал плечами.

— Должно быть, любимая, ты утомилась. Да и как тут было не утомиться — мальчишка-то богатырем оказался... Красавец...

— Аллах всесильный и всевидящий! Да ты просто слеп, муж мой! Красавец?! Да он уродливее самого уродливого урода под этим небом!

Рахим выпучил глаза. Что это случилось с его кроткой и нежной Бесиме? Почему она называет малыша, лишь ночью рожденного ею самой, уродом? Из-за родимого пятна? Да и что в нем такого?

Но жена продолжала кричать:

— Не зря же видела я во сне и воду, и мясо, что вдруг покрылось толстым слоем пепла, и горящий сад... А все знают: это весьма плохие сны, ибо предрекают неправильные и бесполезные дела, как сказано: «...дела их подобны пеплу, над которым поднялся вихрь...» Впереди нас ждут испытания, ибо гласит великая Книга: «...Мы напоили бы их водой обильной. Мы этим испытали бы их...» Но хуже всего, поверь мне, ты, глупая ослиная шкура, вкушение свежего мяса, ибо оно, согласно Корану, означает хулу, поклеп. Ведь сказано же: «...Захочет разве кто-нибудь из вас есть мясо умершего брата?»

— Но при чем тут твои сны? Почему ждешь ты худа и бедствий, звезда моих дней?

— Ты что, не видишь, пустой бурдюк, что мальчик отмечен страшной печатью Иблиса?! Ты не чувствуешь, что самые страшные кары ждут его и нас вместе с ним?!

«Ага, значит, все дело в пятне... Но что в нем такого уж ужасного? Светло-красное, от уха до шеи... Его под волосами и видно не будет».

Однако все это Рахим произнести не решился — он был достаточно мудр и достаточно терпелив, чтобы криком не пытаться умерить крик. Пусть уж жена успокоится, а тогда и поговорим.

— Я увидела пятно и поняла, что смерть наша совсем близка... И потому требую, ты слышишь, рваный кушак, требую, чтобы ты сию же секунду отослал

няню с этим страшным уродом в дальнюю деревню — пусть твои убогие родичи или пастухи нянчатся с ним!

— Воистину, жена моя, ты утомлена и раздосадована... Это все скверный полуденный ветер. Он приносит смуту в людские сердца. Успокойся, поспи немного, а потом и поговорим.

— Я требую, чтобы его сию же секунду не стало!

— Любимая, ты заставляешь меня гневаться...

— Да что твой гнев?! Пустая болтовня! Урод... Урод не может быть моим сыном! Спрячь его с глаз моих навсегда!

Рахим и хотел бы сдержаться, но не мог — эта глупая курица, воистину подлинная дочь своей безумной матери, посмела назвать его первенца, долгожданного и такого славного, уродом!

— Так знай же, дочь безмозглой ослицы, что малыш Масуд останется здесь, в отцовском доме! Его будут учить лучшие учителя и вскормит самая добрая кормилица! Он, слышишь ты, порождение гены, будет наследником и моего дела, и моих сбережений!

Впервые за два года Рахим кричал. Кричал на жену, в которой еще вчера души не чаял, с которой вместе считал мгновения до появления такого долгожданного малыша.

Бесиме замолчала. Должно быть, перемена в ее супруге была более чем разительной — иначе бы она попыталась настоять на своем. Но кричащий Рахим был так не похож на себя обычного, что Бесиме испугалась, испугалась даже больше, чем родимого пятна на шее сына.

Испугалась и замолчала. Замолчал и Рахим. В прозрачной утренней тишине послышался едва слышный призыв к молитве. Рахим встал и, не оборачиваясь, повторил:

— Малыш Масуд будет наследником моего дела. Ты запомнила это, ничтожная?

И Бесиме молча кивнула. Одного тона мужа было довольно, чтобы любые возражения застряли у нее в горле. Значит, это чудовище останется дома. Но она, умница Бесиме, не подойдет к нему ближе пяти локтей, о нет! И матушке своей непременно скажет, чтобы не касалась внука и пальцем.

Малыш же Масуд сладко спал в соседней комнате под присмотром двух теток — младших сестер Рахима. Они, конечно, слышали все от первого до последнего слова. И точно так же, как брат, недоумевали, чем смогло напугать Бесиме родимое пятнышко у новорожденного.

— Воистину, брат прав: малыш вырастет и продолжит отцовское и дедовское дело, — прошептала Алия.

— А мы сделаем так, чтобы его и пальцем не тронула ни эта припадочная дурочка, ни ее крикливая мамаша.

Алия укоризненно покачала головой, дескать, неплохо так говорить о родственниках, но вслух ничего не сказала. О нет, и она, и Алмас изо всех сил пытались принять Бесиме, показать, что она им теперь как сестра, но чувствовали, что та не принимает их дружбы, как бы ни были медоточивы ее речи.

— И да будет так, Алия! Теперь у малыша две любящие тетушки, отец, не помнящий себя от радости,

и одна злая мачеха, вход которой в покои Масуда отныне заказан.

— Да будет так! — согласилась сестра.

Вечером того же дня Алия и Алмас устроили в покоях новорожденного его кормилицу, добрую Зухру. Девушки опасались, что та, подобно глупой Бесиме, тоже испугается «знака Иблиса» и начнет причитать или проситься домой, в деревню. Однако опасения оказались пустыми — Зухра прижала кроху к груди как собственного сына и едва слышно запела какую-то немудреную песенку. Малыш, который полдня не давал теткам покоя, капризничал и плакал, в тот же миг успокоился и уснул.

— Аллах великий, какой славный малыш... — прошептала Зухра.

— Ты не боишься его, красавица?

— А почему я должна его бояться? Он же просто несчастный кроха, от которого отказалась родная мать.

— Но родимое пятно осталось...

— Мне непонятна твоя настойчивость, уважаемая, — гордо выпрямилась толстушка. — У него может быть даже десяток родимых пятен. Угрозы они не таят ни малейшей. А маленького мальчика надо вырастить в любви и заботе. Глупые крики безумных дервишей пусть пугают тех, у кого Аллах великий отнял мозги... Или кому не дал их вовсе.

Алия улыбнулась.

— Не беспокойся, добрейшая. И ты, уважаемая Алмас, не тревожься, я выращу малыша так, словно это мой собственный сын.

Обе молодые тетушки промолчали. Зухра, полная и невысокая, показалась им сейчас и куда красивей

прекрасной Бесиме, и куда милее. А еще Алия вспомнила, что Зухра недавно потеряла двухмесячного сына — жестокая лихорадка, свирепствовавшая в городке, откуда была родом кормилица Масуда, не пощадила ни одного ребенка, оставив взрослым лишь печальные воспоминания.

«Может, для Зухры наш малыш и впрямь будет как родной сын...»

Но то было пустое беспокойство: деятельная кормилица уже покрикивала на неповоротливых слуг, которые не укрепили должным образом створки окон, не смазали петли на двери, не устроили во дворе еще одного очага, не сообразили вовремя купить дойную козу...

— Аллах великий, неужели я должна сама таскать уголь для печи и греть воду, чтобы искупать мальчика? Неужели в этом доме все заботятся только о собственном покое и никто не думает о наследнике?

— Воистину, — прошептала Алмас на ухо сестре, — она куда больше похожа на мать, чем...

Алия лишь улыбнулась в ответ — сердце ее было спокойно за племянника.

Быть может, все было и не совсем так, однако такими представляли первые дни его, Масуда, жизни по рассказам тетушек. Добрейшая же Зухра и в самом деле воспитывала его как собственного сына. А он... Что ж, для него она была доброй матушкой, заботливой и строгой — именно такой, какой и должна быть мать неугомонного мальчишки.

Свою же мать Масуд не любил, да и не уважал. К тому же видел он ее редко: Бесиме не проявляла к жизни сына никакого интереса. За что в собственном доме и жила изгоем: отец Масуда вскоре после